

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Год: 1848] // Богословский вестник 1897. Т. 4. № 12. С. 369–390 (3-я пагин.). (Продолжение.)

— 369 —

Юный другъ мой Г. П. Быстрицкій въ письмѣ своемъ 1848 г. отъ 24-го іюня къ своему Кіевскому другу Флоринскому такъ характеризовалъ митрополита Филарета, бывшаго у насъ на частныхъ экзаменахъ въ качествѣ ревизора:

„Митрополитъ былъ у насъ на частныхъ экзаменахъ какъ ревизоръ и ждемъ его пріѣзда на публичное испытаніе. Впрочемъ, этотъ ревизоръ не такъ часто посѣщаетъ и не такъ строгъ, какъ обыкновенные ревизоры. Ревизія его обыкновенно и по преимуществу касается оканчивающихъ академическій курсъ, по цинѣ онъ былъ и у насъ, даже въ продолженіи двухъ дней, на обоихъ философскихъ экзаменахъ, — чему примѣровъ не помнятъ. Что заставило его послушать нашей философіи? Думаютъ, состояніе философіи современной, — опасеніе, чтобы въ нашемъ мѣстѣ западныя идеи не нашли своихъ проповѣдниковъ и защитниковъ. Это опасеніе высказалось въ немъ во время экзамена. Онъ критически смотрѣлъ на наши лекціи и разсматривалъ ихъ по отношенію къ современной наукѣ. „Философія, по его понятію, не должна гоняться за современностью, ипаче она сдѣлается ложною и пустою. Философія на западѣ сдѣлалась пустою; отъ того философскія кафедры остались безъ слушателей, которые ушли или воевать, или обратились къ наукамъ политико-экономическимъ“. Ему не понравилось понятіе о темпераментѣ, который у насъ выводится изъ природныхъ свойствъ духа и устройства тѣлеснаго и есть взаимное отношеніе и степень воспріимлемости и самодѣятельности. На его взглядъ, темпераментъ состоитъ въ такомъ или иномъ устройствѣ тѣлеснаго организма и влияніи этого устройства на психическую жизнь. Вообще Психологія наша особенно подвергалась его нападеніямъ. Замѣчанія очень дѣльныя, его сужденіе такъ основательно, что невольно заставляетъ согласиться съ собою. Даже нашъ глава философовъ, какъ называлъ владыка Θεодора Александровича Голубинскаго, не могъ противостоять его критикѣ. Онъ часто вставалъ, по скоро и садился; возраженія и положенія противника заставляли молчать.

Примѣтно, хорошо знакомъ митрополитъ и съ исторіею философіи, потому что дѣлалъ отвѣты и замѣтки, которые показываютъ, что онъ читалъ, занимался ею. Забавна выходка его на счетъ Лейбница. Когда студентъ раскрывалъ

1848 г. содержаніе его монадологіи, — онъ дѣляетъ вопросъ Оеодору Александровичу: „что, вы читали эту книгу? Я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ, что этого сочиненія въ подлинникѣ не читалъ. Не передаете ли вы его по пересказанному?—Быть не можетъ, что-бы этотъ философъ, такой умный, написалъ такую сказку? Его предъустановленная вѣчная гармонія дѣляетъ изъ міра машину, которая двигается и дѣйствуетъ по пружинѣ однажды заведенной“. Вообще, интересно послушать бесѣду митрополита, такъ знаменитаго своимъ глубокомысліемъ. На частныхъ экзаменахъ онъ болѣе позволяеть себѣ говорить, нежели на публичномъ“.

Расположившись провести вакацію въ академіи, я писалъ отъ 13-го іюля въ Иваново къ роднымъ:

„Кажется, въ послѣдній уже разъ пишу я вамъ въ настоящемъ моемъ званіи и состояніи. Послѣ довольнаго приготовления и размышленія, я пристуилъ, наконецъ, къ окончательному рѣшенію моей судьбы.

23-го минувшаго іюня, въ день Владимірска Божія Матери, отслуживши раннюю обѣдню и молебень, я подаль прошеніе, по принятой въ академіи формѣ, на имя преосвящ. Митрополита, о постриженіи въ монашество, въ руки о ректора, испросивъ предварительно отъ него на сіе соизволеніе. 30-го числа прошеніе мое представлено было владыкѣ, а отъ него, вѣроятно, уже поступило въ Св. Синодъ. Черезъ мѣсяць, и не болѣе, какъ чрезъ полтора, надобно ждать оттуда разрѣшенія. Такимъ образомъ, въ концѣ августа, или въ началѣ сентября, если только это будетъ угодно Господу, вы услышите мое новое имя, —по какое? Богъ знаетъ. Я самъ еще затрудняюсь въ выборѣ для себя новаго имени, и кажется, предоставляю это на волю того, кто будетъ облекать меня въ сапъ иноческій. Но дѣло, впрочемъ, не столько въ имени, сколько въ томъ, какъ начать новую жизнь: не имя спасаетъ, а добрыя дѣла.

Помолитесь о мнѣ, да подкрѣнитъ Господь мои слабыя силы своею всесильною благодатію, для безукоризненнаго прохожденія предстоящаго мнѣ поприща.

Располагался было я нынѣшнею вакаціею совершить путешествіе въ Москву и въ Новый Іерусалимъ; но частію по недостатку средствъ, частію по причинѣ свирѣпствующей болѣзни, кажется, нужно будетъ отложить исполненіе

этого намѣренія до другаго, болѣе благопріятнаго, времени. 1848 г
 Можетъ быть, не съѣзжу-ли на короткое время въ Переславль, куда усердно приглашалъ меня знакомый мнѣ о. архимандритъ Ниѳонтъ. Но если уже буду я въ Переславлѣ, то постараюсь непременно быть въ Ростовѣ, куда влечетъ меня особенное какое-то желаніе. А если такъ, скажете вы, то отсюда уже недалеко и до Иванова. Правда, очень-бы радъ посѣтить васъ: но для этого нужно и время и средства; при томъ же, прошлогоднее пребываніе мое у васъ еще такъ живо сохраняется въ моемъ сердцѣ, что почти было-бы излишне такъ скоро повторять прежнее пріятное впечатлѣніе. Я увѣренъ, да и вы, конечно, согласитесь, что свиданіе чѣмъ рѣже, тѣмъ пріятнѣе. Если Господь сохранитъ мою и вашу жизнь до окончанія академическаго курса, тогда пріятнымъ долгомъ почту посѣтить какъ васъ, такъ и всѣхъ родныхъ. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы кто-нибудь изъ васъ посѣтилъ меня, пока я нахожусь въ лаврѣ. Изъ знакомыхъ и товарищей многіе уже посѣщали меня, а изъ родныхъ, къ сожалѣнію, никто.

Обрацаюсь къ вамъ, Ѳеодоръ Семеновичъ.

Извините, любезный, что такъ долго замедлилъ я отвѣтомъ на ваше письмо, наполненное непріятными новостями. Письмо ваше получено мною въ такое время, когда у насъ были повторенія для экзаменовъ; а это въ академіи въ нѣ-которомъ отношеніи тоже, что у васъ хожденіе по приходу въ св. Пасху или въ Р. Христово. Да и теперь, когда уже прошло у насъ около двухъ недѣль вакаціи, къ вамъ первымъ начинаю писать, тогда какъ слѣдовало-бы, по крайпей мѣрѣ, писемъ нять разослать въ разныя стороны. Изъ академіи, кромѣ церкви, никуда почти не выхожу, а между тѣмъ не вижу, какъ идетъ время. Причиной этого конечно, то, что я не оставляю вовсе своихъ обычныхъ занятій: только праздность не знаетъ, куда дѣвать время...

Слышно, что и въ вашихъ предѣлахъ дѣйствуетъ губительная язва: вамъ, конечно, болѣе или менѣе извѣстны какъ причины, такъ и предохранительныя средства противъ свирѣпствующей болѣзни. Совѣтую вамъ сколько удалять отъ себя первыя, столько-же не пренебрегать и послѣдними. Береженаго, говорятъ, и Богъ бережетъ. Сколько я знаю несчастныхъ опытовъ, гдѣ собственная неосторожность

1848 г. была, если не главною причиною, но крайней мѣрѣ ближайшимъ поводомъ къ обнаруженію зловредныхъ дѣйствій холеры. Есть холера и въ нашемъ мѣстѣ, но не слишкомъ сильна. Впрочемъ, что касается до насъ собственно, то у насъ въ академіи, — благодареніе Господу! — нѣтъ пока ни одного умершаго. Въ частности, мое здоровье, слава Богу! — хорошо. Въ продолженіи вакаціи надѣюсь еще болѣе поправиться, при спокойной и свободной отъ большихъ трудовъ жизни“...

Нѣсколько товарищей покинули насъ въ это время, а именно: Святославскій, Акимовъ и Омировъ.

Святославскій Алексѣй Никитичъ — это первый студентъ нашего XVII курса. Талантливый, благороднѣйшій и благовоспитанный, полный жизни и красавецъ собою — юноша. Отправившись на каникулы въ Москву, въ домъ родителя — священника, онъ внезапно похищенъ былъ изъ среды живыхъ свирѣствовавшею въ Москвѣ холерою. Вѣсть о смерти этого прекраснаго юноши, составлявшаго истинное украшеніе нашего курса, поразила всѣхъ насъ въ академіи: ни наставники, ни студенты не могли безъ слезъ слышать о кончинѣ Святославскаго.

Акимовъ Ив. Борисычъ, поступившій въ Московскую академію изъ учителей Ставропольскаго (на Кавказѣ) училища. По прошествіи двухъ лѣтъ, онъ вздумалъ перейти изъ Московской академіи въ Казанскую, но по какой причинѣ, — миѣ въ точности неизвѣстно.

Омировъ Осд. Вас. — одинъ изъ лучшихъ студентовъ нашего курса, вступившій въ академію изъ Виоанской семинаріи: юноша солидный, съ философскимъ настроеніемъ ума, но не удержавшійся на прямомъ пути при своемъ философствованіи. Занимаясь, по поводу данной темы, разсмотрѣніемъ философіи Гегеля, онъ до того увлекся этою лжеименною философію, что въ своемъ сочиненіи, вмѣсто опроверженія Гегеля, вздумалъ защищать его. Профессоръ О. А. Голубинскій, читавшій диссертацию Омирова, до глубины души былъ огорченъ заблужденіями юноши, тѣмъ болѣе, что онъ занимался преподаваніемъ нѣкоторыхъ предметовъ его сыну. Академическая конференція, призвавши Омирова, убѣждала его отречься отъ усвоенныхъ имъ ложныхъ идей Гегелевой философіи: но онъ упорно отстаивалъ

валь свои заблужденія. Дѣло кончилось тѣмъ, что Омировъ 1848 оставилъ академію и поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету съ званіемъ кандидата ¹⁾). Въ послѣдствіи я встрѣтилъ его на службѣ въ Москвѣ по табачно-акцизному управленію (хорошъ гегельянецъ!). За тѣмъ онъ состоялъ управляющимъ Подольской казенной палаты въ чинѣ статскаго совѣтника (*Адресъ-календаръ* на 1877 г. ч. 2, стр. 181).

10-го августа писалъ мнѣ изъ Москвы товарищъ мой Николай Димитріевичъ Рождественскій:

„Обращаюсь къ вамъ съ просьбою въ полной надеждѣ на ваше живое участіе. 5-го августа я лишился своего батюшки, и объ этомъ нужно извѣстить Платона Иваловича ²⁾), но прямо къ нему писать я боюсь, чтобы письмо печальное не попало въ руки сестрицѣ или тетинкѣ. Поэтому и прошу васъ пройти къ Платону Иванычу и отдать ему непосредственно въ руки письмо, при семъ прилагаемое. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ поминать въ молитвахъ предъ престоломъ Божиимъ повопреставленнаго іерея Димитрія.

Еще прошу васъ написать ко мнѣ письмо и извѣстить объ академическихъ происшествіяхъ. Не похитила-ли холера еще кого-нибудь изъ товарищей нашихъ кромѣ...? Въ Москвѣ холера теперь хотя и есть, но объ ней не слышно. Послѣ св. недѣли представились ко Господу здѣсь 16 священниковъ приходскихъ.

На мѣсто батюшки переведенъ родной его братъ, священникъ изъ Коломны, у котораго и будетъ пока жить наше семейство.

Въ Петербургѣ умеръ Императорскій духовникъ протопресвитеръ Музовскій.

За симъ, желая вамъ всѣхъ благъ отъ Господа, съ всегдашнимъ почтеніемъ и любовію къ вамъ, пребываю студентъ Николай Рождественскій, въ ожиданіи вашего письма по слѣдующей почтѣ“.

Н. Д. Рождественскій сынъ Московскаго священника и двоюродный внукъ митрополита Филарета; его мать, Анна

¹⁾ Объ Омировѣ см. въ журн. *Дѣтская помощь*, М. 1885 г. статья проф. Г. П. Смирнова-Платонова „Словъль убѣжденных“, стр. 35.

²⁾ Балустина, бакалавра математки

1848 г. Продионовна, была родная племянница и крестная дочь Московскаго владыки. Рождественскій — юноша добрый, кроткій и благочестивый. Въ академію вступилъ онъ съ твердою мыслию о постриженіи въ монашество, которое и принялъ къ концу курса въ 1850 г. съ именемъ Игнатія. Съ первыхъ шаговъ академической жизни мы сблизились и и подружился съ нимъ, и эти добрыя, дружескія отношенія ко мнѣ не прекращалъ онъ и послѣ, когда возсѣдалъ на Костромской святительской кафедрѣ. Скончался въ 1883 году на этой кафедрѣ.

Въ составъ новаго XVIII академическаго курса изъ Владимірской семинаріи присланы были четыре воспитанника: Николай Субботинъ, Василій Соловьевъ, Владиміръ Цвѣтковъ и Павелъ Калліопинъ. Субботинъ и Цвѣтковъ, какъ уроженцы г. Шуи, мнѣ съ дѣтства были извѣстны; прочихъ я въ первый разъ увидѣлъ.

О Калліопинѣ писалъ мнѣ мой досточтимый наставникъ семинаріи, соборный іеромонахъ о. Діонисій:

„Честивѣйшій отецъ Иванъ Михайловичъ!

Возлюбленный о Христѣ братъ,

Священствуйте и спасайтесь о Господѣ!

Съ благодарностію возвращаю вамъ интересную вашу рукопись съ печатнымъ трактатомъ и прошу извинить меня за долгое продержаніе. Кромѣ общаго способа для пересылки представлялись и особенные частные случаи, но затѣмъ, да за другимъ, а болѣе (нечего грѣха таить) по обычной безпечности моей, тетрадка ваша и книжка все лежали да лежали у меня въ долгомъ ящикѣ. Теперь же, при отправленіи въ академію Владимірскихъ студіозусовъ, не переслать вамъ съ ними вашего значило-бы въ конецъ постыдиться мнѣ предъ вами.

Земляковъ своихъ примите въ братское расположеніе и общеніе ваше. Особенно прошу за Павла Никитича Калліопина; онъ такой застѣнчивый и скромный, точно цѣвущка, а не молодець.

Поруководствуйте его и въ началѣ и послѣ не оставляйте своими совѣтами, а при нуждѣ и возбужденіями.

Одному изъ назначенныхъ нынѣ въ Московскую академію, лучшему воспитаннику о. ректора нашего, г-ну Альбицкому, жестоко помѣшала холера, поразивъ недавно его

отца и оставивъ безъ главы и подпору большое семейство. 1848 г. Много зла, конечно временнаго, много слезъ и рыданій произвела во всемъ любезномъ отечествѣ нашемъ эта страшная древняя восточная губительная язва. Не миновало пышнѣе ея губительство и Богоспасаемаго, храпимаго подъ особеннымъ покровемъ и защитой Богоматери, родного вамъ города Владиміра. По свѣдѣніямъ полиціи съ 15-го іюня по 1-е августа умерло въ городѣ нашемъ 160 человекъ. Сравнительно съ другими мѣстами это еще милость Божія. Въ Муромѣ къ концу іюля болѣзнь совсѣмъ было прекратилась: но съ начала поста въ продолженіе одной недѣли, сказываютъ, опять заболѣло около 160 человекъ; и половина изъ заболѣвшихъ сдѣлалась жертвою холеры. Дай Богъ, чтобы это было только преувеличеннымъ слухомъ. Мы всѣ, обитающіе въ обители Рождества пресвятыя Богородицы,—въ древней великой архимандритіи, а пышнѣе немъ архіерейскомъ домѣ,—благодареніе Господу,—живемъ цѣлы и невредимы отъ тлетворнаго вліянія эпидеміи. Идемъ великой милости Божіей—прекращенія болѣзни въ епархіи, чтобы собрать потомъ семинаровъ для произведенія имъ прерваннаго въ іюнѣ испытанія и для начатія дальнѣйшаго ученія.

Вамъ, отецъ Іоаннъ, послѣ канникулярнаго отдыха желаю успѣшно продолжить и окончить въ свое время великій академическій подвигъ,—желаю вамъ такъ-же удачно приготовить курсовое разсужденіе“.

Но скромный и смиренный Калліопинъ, о которомъ съ такою отеческою заботливостію писалъ мнѣ о. Діонисій, почему-то не остался въ академіи; вѣроятно, убоялся бездны премудрости, вспять возвратился.

14-го августа получилъ я письмо отъ окончившаго курсъ академіи земляка, С. Г. Вишнякова. Онъ писалъ мнѣ съ дороги, изъ города Александрова:

„Вѣрна пословица: homo prononit, Deus disponit! Я думалъ съ родины—изъ Васильевскаго писать вамъ; но вотъ Богъ привелъ писать съ дороги! На сей, на дорожкѣ, въ Александровѣ я сдѣлался порядочно нездоровъ частію отъ того, что утомился въ день отъѣзда и не спалъ ночь, частію немного простудился, частію отъ того, что позволилъ себѣ купать и соленую рыбу и огурчики и тому подобную зе-

1848 г. лень вдоволь; а потому у меня ночью порядочно журчало въ животѣ, такъ что я думалъ, что схватилъ холеру, но, слава Богу, теперь все прошло;—и я теперь только очень слабъ, изнуренъ; но не чувствую большого нездоровья. При первомъ знакѣ здоровья я ѣду на родину, гдѣ меня ждуть не только съ нетерпѣніемъ, но и со слезами.

Въ заключеніе, честь имѣю рекомендовать вамъ новыя земляковъ—Николая Ивановича Субботина въ особенности; прошу ихъ руководить во всемъ, что нужно, и что почтете сами нужнымъ. Увѣренъ, впрочемъ, что все это вы сдѣласте и по своей добротѣ.

Не учинено-ли назначеніе на службу нашей братіи; ежели такъ, то прошу васъ извѣстить меня по слѣдующей-же почтѣ прямо въ Васильевское.

Надѣюсь, что не забудете преданнаго вамъ“...

14-го же августа писалъ мнѣ изъ Муромашуринъ С. В. Царевскій:

„Homo praeponit
Deus disponit“.

Какъ хорошо текли мои дѣла въ іюнь мѣсяцѣ! По вашему совѣту ходилъ я къ о. инспектору,—и спросилъ его содѣйствія касательно вступленія моего къ вамъ въ академію; согласилась и маменька доставить все необходимое для вступленія въ академію—словомъ, все было готово для устройства моего блага; Богу угодно было посѣтить нашу губернію холерою,—и все мои планы разрушились.

Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что мы не окончили курсъ до вакаціи, какъ было прежде, но отправились въ дома и безъ частныхъ экзаменовъ, еще 19 іюня, тотъ самый день, когда-бы нужно было сочинять экзаменскія задачи; на сколько времени?—этого не опредѣлили, а велѣно было дожидаться прекращенія холеры и требованія со стороны своего начальства. И до сихъ поръ еще этого требованія нѣтъ,—доселѣ мы проживаемъ дома безъ всякихъ цѣлей, не будучи въ состояніи опредѣлить себя къ разряду какихъ-либо порядочныхъ, нужныхъ Богу и ближнимъ, людей.

Вотъ что преградило и мнѣ путь въ академію, при всѣхъ моихъ стараніяхъ поступить въ оную. Не знаю, можно-ли будетъ послѣ вступить въ нее? Это должно быть извѣст-

нѣе вамъ— скажите пожалуйста, когда это будетъ возможно 1848
сдѣлать и при какихъ условіяхъ.

Р. С. Недавно былъ у насъ Преосвященный и самъ служилъ благодарственный молебенъ Богу за избавленіе отъ холеры“.

Получивъ 18-го числа это письмо, я немедленно написалъ въ Муромъ къ матери Царевского:

„Цѣлый годъ хранилъ я глубокое молчаніе и не писалъ въ отвѣтъ вамъ ни слова потому, что, безъ крайней нужды, не хотѣлъ разрушать вашего мрачнаго понятія, которое вы составили обо мнѣ. Но теперь, при настоящихъ семейныхъ обстоятельствахъ вашихъ, когда вамъ предстоитъ новая забота объ устроеніи участи брата Сережи (извините, пишу по родному), я рѣшился нарушить гробовое молчаніе, на которое вы такъ рано осудили меня, и сказать вамъ, что я еще живъ и надѣюсь, сколько то угодно будетъ Господу, впредь существовать для васъ и для вашего сиротствующаго семейства, почитая священной обязанностію помогать вамъ, если не всегда дѣломъ, по крайней мѣрѣ словомъ и совѣтомъ. Впрочемъ, прежде нежели я объясню вамъ сущность настоящаго моего письма, прошу васъ забыть все, чѣмъ я когда-либо оскорблялъ васъ словомъ или дѣломъ; прошу объ этомъ потому собственно, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ скоро придется мнѣ умереть для васъ и для цѣлага міра, если не физически, такъ духовно. Не буду объяснять вамъ подробно, что это значитъ, опасаясь возбудить въ васъ непріятное и скорбное чувство: это понятно, впрочемъ, само собою...

Обратимся теперь къ настоящему дѣлу. Сергѣй Васильичъ, конечно, не безъ вашего позволенія, пишетъ въ послѣднемъ письмѣ, чтобъ я указалъ ему способъ вступить въ академію. Прізнаюсь вамъ, для меня очень непонятна такая медлительность. или, лучше сказать, безпечность въ устроеніи собственнаго благополучія. Если у него было рѣшительное намѣреніе поступить въ академію, и если вы изъявили на это свое согласіе: то почему же онъ не позаботился написать ко мнѣ немедленно по полученіи моего послѣдняго письма къ нему? Если бы онъ написалъ ко мнѣ недѣлей ранѣе, то непременно былъ бы въ академіи, тѣмъ болѣе, что волонтеровъ нынче пріѣхало не слиш-

1848 г. комъ много, и экзаменъ даютъ самый снисходительный: но теперь дѣло уже опоздано. Я ходатайствовалъ предъ о. ректоромъ: но онъ, при всей своей добротѣ и благосклонности ко мнѣ, не могъ удовлетворить моею просьбѣ именно потому, что уже слишкомъ поздно. Онъ посоветовалъ отложить это дѣло до другаго времени: но когда я объяснилъ ему ваши семейныя обстоятельства, онъ былъ столько добръ, что позволилъ мнѣ вызвать Сергѣя Васильича сюда и держать у себя мѣсяцъ или два съ тѣмъ, чтобы онъ, пользуясь академическимъ столомъ, тѣмъ удобнѣе могъ заняться приготовленіемъ себя къ поступленію въ академію. Но я предложилъ ему другой способъ, и онъ одобрилъ его, — именно то, чтобы Сергѣй Васильичъ остался еще на годъ; а въ случаѣ нужды, и на два въ семинаріи съ тѣмъ, чтобы оттуда на казенный счетъ поступить въ академію.

Что вы скажете на это? А я никакъ не советовалъ бы Сергѣю, при его счастливыхъ способностяхъ, при его юномъ еще возрастѣ, а особенно при пнѣшнихъ спархіальныхъ обстоятельствахъ, оставлять мысль объ академіи. Не правда-ли, любезный Сергѣй Васильичъ (обращаюсь къ вамъ въ томъ предположеніи, что это письмо прежде всѣхъ попадетъ въ ваши руки)? Если же такъ, если, т. е., у васъ есть охота учиться, и вы согласны еще остаться на годъ или на два въ семинаріи, то напишите ко мнѣ немедленно, и я буду ходатайствовать объ этомъ предъ вашимъ семинарскимъ начальствомъ. Впрочемъ, ваша добрая воля; мой только долгъ — желать вамъ всякаго добра.

Остаюсь съ истинною къ вамъ любовію и благожеланіемъ“ ...

24-го августа писалъ мнѣ изъ Мурома шурина С. В. Царевскій:

„Жалѣю, очень жалѣю, что опустилъ удобный случай къ вступленію въ академію. Признаюсь вамъ, я вовсе не предполагалъ, что, не окончивши курсъ семинаріи, можно вступить въ академію, и потому не скоро отвѣтилъ на ваше послѣднее къ намъ письмо. Когда же изъ настоящаго письма вашего я узналъ, что очень легко можно было вступить въ академію, особенно въ пнѣшній разъ, и что устроеніе моего благополучія зависѣло отъ одного только

письма съ моей стороны къ вамъ: то сдѣлалъ бы все, что только для меня возможно для того, чтобы исправить свою глупость, но прошедшаго не возвратить. 1848 г.

Сердечно благодаримъ васъ за то, что, не смотря на мою къ вамъ неблагодарность, вы все еще принимаете участіе въ моемъ положеніи, и гдѣ я падаю, вы поднимаете и указываете путь впередъ. Пріятно было бы для насъ, если бы вы, попросивъ наше семинарское начальство о томъ, чтобы мнѣ еще остаться въ семинаріи, попросили и о томъ, нельзя-ли оставить меня опять на казенномъ коштѣ. Безъ сего маменька не соглашается на оставленіе меня въ семинаріи. Да и можно-ли согласиться? Вамъ извѣстны наши семейныя обстоятельства; маменька не только не въ состояніи содержать меня еще въ семинаріи, даже сама нуждается въ моемъ пособіи. Конечно, вышедъ изъ академіи, я гораздо болѣе могъ бы оказать имъ пособія, нежели теперь сколько; но этого еще ждать долго, а между тѣмъ деньги и теперь все нужны на содержаніе семейства. Если бы не было сестеръ у насъ, не такъ трудно было-бы уговорить ихъ, и онѣ, безъ сомнѣнія, согласились бы на ваше предложеніе и на мое желаніе, но вы знаете, чего стоитъ содержать, а пристроить тѣмъ болѣе женскій полъ. Итакъ, просьба къ вамъ съ нашей стороны состоитъ въ томъ, чтобы вы походатайствовали не только о томъ, чтобы оставить меня въ семинаріи, но и на казенномъ коштѣ. Не знаю, возможно-ли это, а хорошо было бы для насъ, и я, съ своей стороны, всѣми своими силами постарался бы заслужить казенное содержаніе.

Ожидающій отъ васъ благъ, братъ вашъ Сергій Царевскій“.

28-го августа писалъ я отцу ректору Владимірской семинаріи, архимандриту Евоимію:

„Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою и тѣмъ съ большею надеждою на ваше благо-склонное вниманіе, что вы сами положили какъ бы основаніе тому дѣлу, о которомъ намѣренъ просить, и котораго совершеніе зависятъ теперь единственно отъ вашей воли. Сущность дѣла въ слѣдующемъ. Братъ мой, оканчивающій курсъ подъ вашимъ покровительствомъ въ семинаріи. Сергій Царевскій, пробужденный нѣкогда вашимъ заботли-

1848 г. вымъ вниманіемъ отъ умственной дремоты, еще заранѣе высказалъ мнѣ желаніе поступить нынѣ въ нашу академію: но такъ какъ онъ не получилъ еще, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, никакого опредѣленнаго значенія отъ семинарскаго правленія, то и не зналъ какъ ему приступить къ этому дѣлу. Опустивши поэтому подлежащій срокъ, онъ вздумалъ, наконецъ, просить меня принять въ немъ участіе тогда, какъ у насъ начался уже пріемный экзаменъ. Какъ ни поздно, однакожь я, зная его способности и видя усердіе къ продолженію наукъ, рѣшился обратиться съ просьбою къ академическому начальству. Разумѣется, о. ректоръ отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ, не отрекаясь, впрочемъ, исполнить ее въ томъ случаѣ, если-бы братъ мой въ это время явился самъ въ академію. Но что по удалось теперь, можно исправить въ другое время: о. ректоръ посовѣтовалъ отложить это дѣло до другаго курса, но когда я объяснилъ ему семейныя обстоятельства моей тещи, и когда предложилъ ему другой способъ для вступленія моему брату въ академію, именно-остаться еще на годъ или на два въ семинаріи: о. ректоръ одобрилъ это предложеніе, замѣтивъ только, согласно-ли будетъ семинарское начальство оставить Царевскаго въ семинаріи на казенномъ содержаніи. Слѣдовательно, теперь благополучіе моего брата и спокойствіе его матери главнымъ образомъ зависятъ отъ воли вашего высокопреподобія.

Не отриньте же, высокопреподобнѣйшій о. ректоръ, моей усерднѣйшей просьбы въ разсужденіи дальнѣйшей судьбы моего брата—Царевскаго!

Писалъ я предварительно объ этомъ въ Муромъ, и получилъ согласіе какъ отъ матери Царевскаго, такъ и отъ него самого. Но первая, соглашаясь оставить сына еще на курсъ въ семинаріи, рѣшительно отказывается отъ содержанія его на свой счетъ; послѣдній охотно соглашается остаться и общается всѣми силами заслужить казенное содержаніе“.

Благополучно совершивши, съ Божіею помощію, повиную учебнаго академическаго поприща, я вступилъ съ сентября 1848 года во вторую половину, которая, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, представляла для меня менѣе трудностей сравнительно съ первою. Предметы старшаго, бого-

словскаго курса, были болѣе для меня сродны по самому 1848 моему сану и болѣе доступны для пониманія.

Вотъ эти предметы:

1) Священное Писаніе—преподаватель, упомянутый выше бакалавръ іеромонахъ Ѳеодоръ (Бухаревъ).

2) Докматическое Богословіе—преподаватель, ректоръ, архимандритъ Алексій (†1877).

3) Правственное и пастырское Богословіе—преподаватель, инспекторъ, архимандритъ Сергій (Ляпидевскій).

4) Патрологія—преподаватель, іеромон. Леонидъ(†1876).

5) Библейская исторія—преподаватель, бакалавръ Ив. Ив. Побѣдинскій-Платоновъ (†1871).

6) Исторія христіанской церкви—преподаватель профессоръ А. В. Горскій (†1875).

7) Церковная словесность	{ Преподават., экстра- ординарный профес- соръ, свящ. Ив. Никол. Аничковъ - Платоновъ (†1864).
8) Церковное (каноническое) право	

9) Церковная археологія преподаватель, бакалавръ Александръ Кирил. Соколовъ (†1884).

10) Ученіе о вѣроисповѣданіяхъ — преподаватель Пикита Петр. Гиляровъ-Платоновъ (†1887).

11) Языки: Греческій - преподав. П. П. Побѣдинскій-Платовъ.

12) Еврейскій - преподав. А. К. Соколовъ.

Я, по мѣрѣ силъ, занимался всѣми предметами богословскаго курса, неопустительно посѣщаль всѣ классы, не исключая класса и еврейскаго языка; у меня до сихъ поръ сохранились еврейскіе вокабулы изъ книгъ нѣкоторыхъ малыхъ пророковъ. Но изъ преподавателей болѣе всѣхъ интересовалъ студентовъ своими лекціями профессоръ А. В. Горскій. Въ его лекціяхъ поражала насъ громадность свѣдѣній, отчетливое и основательное изложеніе лекцій, и одушевленная декламация. Не малымъ также обиліемъ свѣдѣній отличались лекціи профессора Аничкова-Платонова: но эти лекціи не отличались стройнымъ систематическимъ изложеніемъ. Лекціи по Священному Писанію іеромонаха Ѳеодора имѣли характеръ самостоятельнаго изложенія и отличались значительною глубиною мысли: но торопливое

1848 г. и невнятное чтение съ кафедры много отнимало достоинства у этихъ лекцій. Баккалавръ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ — галантный преподаватель; онъ не писалъ лекцій, но говорилъ изустно, и при этомъ позволялъ себѣ иногда довольно свободныя сужденія и выраженія; неуважительно отзывался иногда объ отцахъ Церкви, въ особенности выразился однажды оскорбительно о св. Іоаннѣ Златоустѣ. Памятенъ для меня еще одинъ случай о Гиляровѣ.

Пріѣхалъ въ академію оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Н. А. Протасевъ; приходитъ, въ сопровожденіи ректора и еще кого-то, въ нашъ богословскій классъ во время лекціи Гилярова. Гиляровъ, разумѣется, былъ предваренъ объ этомъ и принесъ съ собою въ классъ тетрадку, свое студенческое сочиненіе объ антихристѣ. По входѣ въ классъ почетнаго гостя, онъ началъ угощать его своею студенческою мудростію. Гость въ восхищеніи былъ отъ этой мудрости и, уходя изъ аудиторіи, благодарилъ лектора. По почтенный лекторъ, по уходѣ гостя, сошелъ съ кафедры и, обратясь къ намъ—студентамъ, сказалъ: „забудьте, господа, что я сейчасъ читалъ вамъ“, и въ слѣдъ затѣмъ началъ проповѣдывать намъ о томъ же предметѣ совсѣмъ противное. Впрочемъ такой либерализмъ паставника далеко не всѣмъ студентамъ нравился; а наконецъ этотъ либерализмъ былъ поводомъ къ удаленію Гилярова изъ академіи. Между студентами XIX курса (1854 г.) былъ іеродіаконъ Аноимъ изъ Болгаръ ¹⁾ (впослѣдствіи экзархъ Болгаріи). Ревностный Аноимъ, слыша часто рѣзкіе и неуважительные отзывы баккалавра Гилярова о лицахъ и предметахъ священныхъ, донесъ объ этомъ митрополиту Филарету, и вслѣдствіе сего Гиляровъ въ 1855 году долженъ былъ оставить службу при академіи ²⁾.

¹⁾ Объ Аноимѣ очень интересная статья напечатана въ *Русск. Вѣстникѣ* 1881 г. (т. 151), подъ заглавіемъ: „Первый Болгарскій экзархъ, блаженный Антимъ“,—А. И. Муромцевой.

²⁾ Объ отставномъ баккалаврѣ Гиляровѣ см. *Письма Митрополита Филарета къ наместнику А. Антонію* отъ 16-го ноября и 1-го декабря 1855 г. (№№ 1068 и 1071) Еще № 1181.—Въ № 294 *Моск. Вѣд.* 1887 г. помѣщена о Н. П. Гиляровѣ (+15 окт. 1887 г.) очень интересная статья: „Памяти Н. П. Гилярова-Платонова“. Эта статья принадлежитъ проф. П. Н. Корсунскому, хотя и не подписана его именемъ.

Съ первыхъ чиселъ сентября, по окончаніи пріемныхъ экзаменовъ, начались у насъ обычныя занятія. 7-го числа дано было намъ семь темъ для сочиненія по предмету Священнаго Писанія.

Темы эти были слѣдующія:

- 1) Пзъясненіе—Іак. III, 1—12.
- 2) Галат. V, 13—18.
- 3) Колос. II, 11—17.
- 4) Ученіе ап. Павла о ветхозавѣтныхъ прообразованіяхъ.
- 5) Ученіе ап. Іоанна о любви.
- 6) Сличеніе сказаній евангелистовъ о воскресеніи І. Христа и явленіяхъ Его по воскресеніи.
- 7) Какія свѣдѣнія о жизни, свойствахъ и достоинствахъ Божіей Матери можно почерпнуть изъ св. Писанія?

Я избралъ для своего сочиненія 5-ю тему, т. е. „Ученіе ап. Іоанна о любви“. На этомъ сочиненіи бакалавромъ отцомъ Осодоромъ подписано: „Хорошо; не мало и очень хорошаго ¹⁾“.

8-го сентября получилъ я письмо изъ Владиміра отъ Царевскаго:

„Отъ души благодарю васъ за ваше о мнѣ попеченіе.

По пріѣздѣ моемъ во Владиміръ, Осодоръ Гаврилычъ призывалъ меня къ себѣ, открылъ, что вы писали уже къ о. ректору о томъ, чтобы оставить меня еще на курсъ въ семинаріи на казенномъ коштѣ; по этому поводу ходилъ я къ о. ректору узнать, что они думаютъ объ эгомъ. Отецъ ректоръ совершенно отказалъ въ казенномъ содержаніи и не совѣтовалъ даже на своемъ коштѣ оставаться въ семинаріи. Отказалъ въ казенномъ содержаніи потому, что много сиротъ осталось въ настоящее время, по случаю холеры, которые нуждаются въ казенномъ пособіи, и что, оставшись еще на два года, я буду заѣдать чужое мѣсто, буду грабить другаго, и грѣша симъ сдѣлаю участниками своего грѣха и тѣхъ, которые оставили меня въ семинаріи на казенномъ коштѣ. Поэтому, чтобы не стѣнать ихъ совѣсть

1) Сочиненіе это прислано было мнѣ въ Москву съ слѣдующею надписью на оборотѣ послѣдней страницы: „Высокопреподобнѣйшему синодальному ризничему почтенію отъ І. Осодора, 1851 г. 6-го генваря“.

1848 г. и не притѣснять своихъ товарищей, я и не долженъ оставаться; тѣмъ болѣе—дескать, что нѣтъ благовидной причины и оставаться мнѣ, какъ окапчивающему курсъ въ 1-мъ разрядѣ, потому что и теперь открытъ ходъ въ академію. Не совѣтывалъ оставаться въ семинаріи и на своемъ коштѣ: потому-что это только вытянетъ деньги, а существенной пользы не доставитъ, а лучше, по его мнѣнію, жить годъ дома и готовиться въ апрѣлѣ мѣсяцъ подать прошеніе, чтобы дозволили явиться къ экзамену и въ этомъ навѣрное не откажутъ. Какъ не имѣющему средствъ вступить въ академію на своемъ иждивеніи, можно просить и о томъ, чтобы дозволили на казенномъ коштѣ,—и въ этомъ будто не окажутъ: были дескать опыты такіе. Не совсѣмъ пріягнo будетъ это, конечно, говорить, намъ, но дѣлать нечего, когда просятъ (слова о. ректора).

Все это пересказалъ я Феодору Гаврилычу. Отзывъ на это съ его стороны: оставаться въ семинаріи на своемъ содержаніи мнѣ вовсе не нужно, а стараться поступить въ академію; для этого жить годъ дома такъ же не нужно: потому что вступить въ Петербургскую или Кіевскую академію очень трудно, да не извѣстно, что можетъ случиться въ продолженіи года. Лучше совѣтовалъ (да и мнѣ такъ кажется) просить васъ, чтобы походатайствовали предъ вашимъ отцомъ ректоромъ, не позволитъ-ли явиться, какъ вы прежде говорили, по полученіи аттестата въ академію съ тѣмъ, чтобы я, готовясь тамъ мѣсяцъ или два, могъ вступить въ число студентовъ. Таковыя опыты, говорить, у насъ бывали, даже чрезъ треть принимали не рѣдко; теперь-же это гораздо удобнѣе сдѣлать, объяснивъ, что я не смѣлъ явиться къ экзамену въ академію, не окончивъ курса въ семинаріи.

Что вы скажете мнѣ на это? Вашъ совѣтъ для меня болѣе обязателенъ и благодѣтеленъ“.

На это отвѣчалъ я 10-го числа:

„Послѣ того, что сдѣлано мною для устроенія вашего благополучія, въ моихъ рукахъ не остается болѣе уже ничего. Вы просите меня слова ходатайствовать предъ академическимъ начальствомъ: но это значитъ, вы не поняли смысла моихъ словъ. Я писалъ вамъ, что о. ректоръ былъ столько добръ, что позволилъ мнѣ вызвать васъ къ себѣ и

держатъ мѣсяць или два: но это не то значить, чтобъ, по прошествіи означеннаго времени, вамъ можно было держать экзамень и потомъ вступить въ академію дѣйствительнымъ студентомъ; нѣтъ, это не болѣе, какъ лишь временное пособіе, которое о. ректоръ хотѣлъ оказать вамъ изъ уваженія къ семейнымъ обстоятельствамъ. Вступить въ академію послѣ надлежащаго срока, безъ разрѣшенія высшаго начальства, не возможно: академическое начальство, само по себѣ, сдѣлать этого не можетъ.

Итакъ, надобно предать себя и будущую судьбу свою въ волю Божию. Не слѣдуетъ роптать и на семинарское начальство за то, что оно не уважило нашей просьбы: напротивъ, надобно благодарить доброе начальство, что оно, во первыхъ, выпускаетъ васъ съ званіемъ студента, а во вторыхъ, не отказывается по крайней мѣрѣ на будущее время принять участіе въ устроеніи вашей судьбы. Рекомендую послѣдовать совѣту о. ректора, особенно, еслибы удалось испросить казенное пособіе для первоначальнаго вступленія въ академію. Но если, почему-либо, не удастся поступить вамъ въ академію чрезъ годъ: то уже непремѣнно совѣтую вамъ имѣть въ виду чрезъ два года нашу академію: она и ближе и доступнѣе.

Между тѣмъ, пользуясь свободнымъ временемъ, при какой-нибудь благопріятной оказіи, пріѣзжайте ко мнѣ, и заблаговременно ознакомьтесь съ академическимъ бытомъ“.

8-го ч. писалъ мнѣ изъ села Васильевского окончившій курсъ академіи С. Г. Вишняковъ:

„Отъ всей души благодарю васъ за вашу обязательность.

Ваше письмо предупредило двумя днями мой пріѣздъ въ Васильевское, куда я прибылъ 26-го августа.

Теперь, въ дому родительскомъ, я отдыхаю отъ трудовъ многодѣланія академическаго, но только провожу время чрезвычайно скучно. Доколѣ жилъ въ Васильевскомъ съ братомъ Григоріемъ, дотолѣ еще время тянулось безъ скуки; когда онъ уѣхалъ во Владиміръ, я остался одинъ въ селѣ съ непомѣрной скукой и пустотой! По неволѣ захандришь одинъ, безъ дѣла, — т. е. безъ книгъ для легкаго чтенія, при постоянно почти дрянной погодѣ. Ляжешь иногда на кроватку, да и поцесснешься на крыльяхъ воображенія въ матушку нашу академію. Какъ она хороша теперь издали, безъ взглядовъ предельубѣжденія. при хладнокровномъ судѣ о порядкѣ вещей“

1848 г. Такъ и пошелъ бы еще года на четыре, только бы при добромъ здоровьѣ.

Чай, добрый мой о. Иоаннъ, — любо, — дорого послушать нашего умнаго Александра Васильевича ¹⁾, — чтеніе его изъ Евангельской исторіи. Какъ эти чтенія, выходя изъ сердца, полнаго живой вѣры въ Сына Божія, невольно пробуждаютъ и разогрѣваютъ чувство религіозное, которымъ наша молодежь ученая не такъ богата, но которое такъ дорого для человѣка! Потому, знаете-ли, о. Иоаннъ? Въ понедѣльникъ, четвертокъ и субботу — утромъ я беру лекціи Горскаго по Евангельской исторіи и прочитываю. Иныя лекціи такъ хорошо записаны, что какъ будто бы самого его я слушаю!

Каково-то утѣшаетъ васъ о. ректоръ? ²⁾ По правдѣ сказать, мы хотъ цѣлый годъ у него учились; но мало его слышали, какъ профессора. Теперь, и думаю, сначала не хуже прочихъ людей онъ подвизается на поприщѣ божесловія! Не перемѣнилъ-ли онъ чего въ жизни академической-студенческой, не ввелъ-ли новаго, не уничтожилъ-ли старое, не очень доброе (чего было довольно), что обѣщаль онъ сдѣлать? Любопытно-бы знать! А о. Леонидъ? ³⁾ Я думаю, поретъ свысока, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ постановкой? Не правда-ли, что его не скучно бываетъ слушать, хотя въ началѣ нѣкоторые изъ нашихъ товарищей и ухмылялись на него!... Ну да Богъ съ ними, съ наставниками! Мы всѣ обыкновенно требовали многого отъ нихъ; а сами между тѣмъ лѣнились выслушать и усвоить себѣ малое! Кто виновать? И для чего убиваться бакалавру, когда у него слушателей пять-десять человѣкъ, какъ не рѣдко бывало у насъ?

Отъ всей души желаю вамъ, добрый мой о. Иоаннъ, при добромъ здоровьѣ, съ честію и славою, съ пользою и удовольствіемъ прослушать два года академическія лекціи. Приведи мнѣ, Господи, быть на должности поближе къ академіи, какъ назначенъ я конференцію. Надѣюсь, что жить будетъ не плохо, — съ добрыми людьми и товарищами.

Слава Богу, хотъ Никиту Петровича ⁴⁾ назначили бакалавромъ изъ нашего курса, — все какъ-то лучше, да

¹⁾ Горскаго профессора М. т. академіи

²⁾ Архимандритъ Алексій

³⁾ Красноцѣвковъ.

⁴⁾ Гилярова—Платонова.

только едва-ли сдѣлають! Ужь представляли и прежде на 1848 это мѣсто еще Ивана Ив. Побѣдинскаго ¹⁾, по былъ отказъ, до реформы, какую предполагали сдѣлать въ академіи.

Что ваше постриженіе? Уже не приняли-ли вы ангельскій образъ? Ежели это правда, то помощи вамъ Господь молитвами Богородицы и всѣхъ преподобныхъ спасти свою душу и умолять за насъ Бога“.

15-го числа писалъ мнѣ изъ Владиміра профессоръ семинаріи О. Г. Бѣляевъ:

„Думаю, вы слышали о моихъ затѣяхъ касательно перемѣщенія въ Московскую семинарію. Затѣи эти въ настоящую пору стоятъ подъ такимъ градусомъ, что мнѣ необходимо имѣть въ вашей академіи корреспондента, который сообщилъ бы мнѣ о ходѣ дѣла. Видите что — просилъ я графа о перемѣщеніи меня въ Москву. Графъ не имѣлъ подъ рукой праздныхъ мѣстъ въ Моск. семинаріи и, не отказывая мнѣ на отрѣзъ въ просьбѣ, передалъ дѣло въ правленіе вашей академіи,—т. е. правленіе ваше должно рассмотреть мое дѣло и отвѣтить графу: могу-ли я хоть когда-нибудь передвинуться въ Москву. О. ректоръ академіи обѣщалъ мнѣ рѣшить дѣло въ мою пользу. Въ настоящую пору мнѣ и хочется узнать это рѣшеніе. И прошу васъ покорнѣйше разузнать это тихонько—отъ писемоводителей и побезпокоить сообщить мнѣ вѣсточку (въ случаѣ рѣшенія дѣла), какого-бы содержанія ни была она.

Еще: въ Московской семинаріи становится празднымъ мѣсто профессора Кроткова ²⁾. Со стороны правленія вашего не послѣдовало-ли выбора кандидатовъ на это мѣсто?

Интересно для меня и то и другое дѣло. По прошенію васъ не медлить увѣдомленіемъ объ отвѣтѣ академическаго правленія графу на мое дѣло, не медлить изъ занерѣшенности послѣдствія дѣла.

Извините, что я безпокою васъ“.—

Въ сентябрѣ пришелъ изъ св. Синода указъ съ разрѣшеніемъ постричь меня въ монашество. Днемъ постриженія назначено было 1-е октября.

¹⁾ Перваго магистра XV курса (выпуска 1846 года), назначеннаго бакалавромъ въ 1847 году.

²⁾ Феофилакта Ивановича, магистра XIV курса (выпуска 1844 года), ильнѣ Московскаго протоіерея.

1848 г. Вотъ что записано было мною въ свое время о семъ, чрезвычайно важномъ, обстоятельстве моеи жизни:

„1848 годъ. 1-е октября. Пятница.

Древняя мимодоша: се была вся нова: новое имя, новыя одежды, новыя правила жизни: о, еслибы Господь *обновилъ и духъ правъ во утробѣ моеи!*...

Въ сей день, въ день Покрова Пресв. Богородицы, и на память преподобнаго отца нашего Саввы Впшерскаго, я грѣшный сподобился, по благодати Божіей, воспринять на себя санъ иноческій. Священный обрядъ постриженія совершенъ былъ въ трапезной церкви Свято Троицкія Сергіеви Лавры отцемъ ректоромъ Московской духовной академіи, архимандритомъ Алексіемъ. Восприемникомъ при постриженіи былъ той же академіи о. инспекторъ, іеромонахъ Сергій. Имя наречено мнѣ, въ честь воспоминаемаго нынѣ Церковію преподобнаго, — Савва.

Примѣчаніе. Когда постригаютъ въ монашество изъ священниковъ: новопостриженный, при пѣніи причастнаго стиха, входитъ въ алтарь, снимаетъ клобукъ, надѣваетъ синтрахиль и поручи, и приступаетъ къ св. тайнамъ послѣ всѣхъ служащихъ по обычаю. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ новоначальный не снимаетъ клобука, пока не снимется съ него мантия.

4-е число. Понедѣльникъ.

Въ первый разъ Господь сподобилъ меня отслужить іеромонахомъ всю церковную службу въ трапезной церкви, гдѣ совершено было мое постриженіе. Въ тотъ же день разрѣшено было мнѣ снять мантию, и приступить къ обычнымъ занятіямъ.

Черезъ о. ректора получилъ я въ благословеніе отъ высокопр. митрополита Филарета парамандъ и рясу“.

При моемъ постриженіи произнесена была о. ректоромъ рѣчь, которая напечатана въ седьмой части *Прибавленій къ Твореніямъ святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ* ¹⁾.

1) Рѣчь эта была въ цензурѣ у высокопр. митрополита и вотъ что владыка писалъ о ней къ о. ректору: „возвращаю вамъ, отецъ ректоръ, рѣчь къ новопостриженному По моему, не очень удобно выслушать новоначальному, что онъ вступаетъ въ жизнь *преимущественно высокую*. Посему предлагаю переимѣнить сіе выраженіе. Кромѣ сего не имѣю возраженія противъ мысли напечатать рѣчь, и соглашаюсь на приведеніе сей мысли въ дѣйствіе“ (*Письма м. Филарета къ архіеп. Тексію, № 32 М. 1833 г. стр. 32*)

На другой день послѣ своего постриженія, 2-го октября, 1848 писалъ я въ Муромъ къ своей тещѣ, П. С. Царевской:

„По благодати Божіей, я достигъ наконецъ того, чего желалъ, или лучше, къ чему веденъ былъ вседержавною десницею премудраго Промысла. 1-го октября, въ день Покрова Пр. Богородицы, и на память преподобнаго отца нашего Саввы Вишерскаго, я сподобился принять на себя чинъ ангельскій. Священный обрядъ постриженія совершенъ былъ надо мною о. ректоромъ нашей академіи, а восприемникомъ былъ о. инспекторъ. Совершителю священнаго обряда угодно было наречь меня именемъ воспоминаемаго въ тотъ день церковію препод. Саввы. Долго было бы описывать вамъ всѣ подробности совершеннаго надо мною обряда; если угодно, можете прочесть сами въ большомъ Требникѣ чинъ постриженія монашескаго; скажу вамъ, сколько можно выразить словами, только то, чего тамъ вы не найдете, именно—состояніе моего духа въ тѣ священныя минуты. Представленію всѣхъ обстоятельствъ моей жизни, важность произносимыхъ мною обѣтовъ, и страхъ предстоящихъ искушеній—все это вмѣстѣ глубоко потрясло мою душу, слезы неволью лились изъ глазъ; и потомъ весь день я чувствовалъ себя въ такомъ же непонятномъ и невыразимомъ состояніи, въ какомъ бывалъ прежде при всѣхъ важнѣйшихъ перемѣнахъ жизни. Теперь же, благодареніе Господу, начинаю мало по малу прояснять себѣ настоящее мое званіе и состояніе; мысль, что это—дѣло особеннаго Божія попеченія обо мнѣ, утѣшаетъ и успокоиваетъ мой духъ. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ усматриваю я особенное призваніе Божіе къ иноческой жизни во всѣхъ прежнихъ своихъ обстоятельствахъ. Смотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ постепенно, и вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно Господь отрѣпалъ меня отъ міра и призывалъ на служеніе Себѣ: взялъ у меня родителя прежде, нежели я узрѣлъ свѣтъ; лишилъ матери въ то время, когда я еще имѣлъ крайнюю пужду въ ея попеченіи, опредѣливъ испытать мнѣ горькій жребій сиротства, съ тою, конечно, благою цѣлію, чтобы заблаговременно ознакомить меня съ тѣснымъ путемъ креста. Повотъ, послѣ долгаго томленія въ сиротствѣ, краткое время даетъ мнѣ вкусить нѣкоторую сладость жизни въ семейномъ благополучіи, но и здѣсь скоро начинаются опять прежнія лише-

1848 г. нія: умираетъ сынъ, который, при своей жизни, естественно привязывалъ бы меня къ міру во всякомъ случаѣ; наконецъ, я лишаюсь того, что привлекло и всего болѣе привязывало меня къ міру: все это, не ясно ли, постепенные, болѣе и болѣе возвышающіеся, гласы Божественнаго воззванія меня изъ бурнаго міра къ тихому пристанищу монашескаго житія? Да будетъ же благословенна воля Божія, избравшая и освятившая меня на служеніе себѣ, можно сказать, отъ чрева матерня!

Итакъ, *древняя мимодоша: се была вся нова*: новое имя, новая одежда, новыя правила жизни: о, еслибы Господь *обновилъ и духъ правъ во утробъ моей!*

Въ настоящей новой моей жизни вотъ какое замѣчательное обстоятельство: и подано прошеніе ¹⁾, и исполнено по этому прошенію мое желаніе, т. е. и начало, и конецъ дѣла совершились въ дни празднованія Божіей Матери. Итакъ, съ сего времени я долженъ искать для себя особеннаго покровительства и заступленія у Пречистой Владычицы и всеобщей христіанской Заступницы: долженъ постоянно обращаться къ Ней съ теплымъ моленіемъ: *не вѣри мя человѣческому представительству*. Пресвятая Владычице, *по сохрани мя подъ кровомъ Твоимъ!*

Болѣе на сей разъ не могу сообщать вамъ ничего относительно новой моей жизни; о прежней считаю излишнимъ и напоминать; впрочемъ, послѣ послѣдняго моего извѣстія, особеннаго ничего со мною не случилось.

Нужнымъ почитаю сказать только то, что я, вопреки своимъ разсчетамъ, всю вакацію безвыходно провелъ въ академіи“.

12-го числа я снова писалъ П. Степановнѣ, привѣтствуя ее со днемъ ангела и сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ о своемъ новомъ днѣ ангела, днѣ постриженія въ монашество 1 октября, при чемъ добавилъ:

„Какъ ни страшны и строги обѣты, данныя мною при вступленіи въ новое званіе: но мысль, что это—дѣло особеннаго попеченія Божія о мнѣ, совершенно успокоиваетъ и ободряетъ меня. Во всѣхъ обстоятельствеяхъ моей жизни и особенной настроенности моего духа нельзя не усматривать небеснаго призванія меня къ тишинѣ монашеской жизни.

Да будетъ же благословенна воля Провидѣнія, премудро все устрояющая и управляющая судьбами человѣческой жизни“!

¹⁾ Прошеніе подано 23 іюня, въ день Владимірской Божіей Матери.